

ЛЮБИТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ

Рассказы

Танюша стояла возле квартиры своей бабульки (по матери) и прислушивалась к гомону, доносившему из нее: «Опять собрались вчетвером, не подожгли бы чего, а то гадали на Рождество, так весь стол и стена — как после бандитской перестрелки. Просто удивляюсь, что им еще нужно знать: что было, то прошло... Что будет? Одно из двух — мерцательная аритмия или дубовая опочивальня на одну персону».

Она держала четыре пакета с подарками, груз был не из легких, но все это оправдано минутами счастья. Еще немного постояв, Татьяна поставила их на пол, подтянула джинсы, насколько это возможно, расчесала волосы, стерла с губ яркую с блестками помаду, еще раз посмотрела в зеркало, загасила сигарету в банке на подоконнике, погрызла леденец. Ну, с Богом. И нажала на звонок. В ответ бодренький голос предупредил:

— Иду, иду.

Дверь открылась, Танюшку тут же обняли, расцеловали.

— Девчонки, внуча пришла... — Вся компания мигом была возле Тани. Ее обнимали и почти силой раздевали.

— Бабульки, меня уполномочили поздравить вас с праздником, с женским днем, Восьмым марта. — Она взяла один из пакетов.

— Девчата, вы слышали, как она сказала «бабульки»? Чисто мокнув головой в прорубь.

— Баба Настя, вечно ты возмущаешься, а я вот тебе электрический чайник дарю, — Танюшка улыбнулась, потому что знала: Настасья Алексеевна по достоинству оценит подарок, для нее все, что светится, горит и пытит, имеет свою необъяснимую ценность.

— Ух ты!.. — Алексеевна заглянула внутрь чайника. — Здесь где-то должна быть красная лампочка.

— Бабуля, ты че, лампочку Ильича потеряла?

— Издеваешься?

— Нет. Ты же пословицу слышала, что «дареному коню в зубы не смотрят»?

— Конфетки, бараночки, словно лебеди, саночки, — запела Настя, делая волну подолом цветастого, почти девичьего платья, а то, что на ногах шерстяные носки чуть ли не до колена, так это она просто в праздничной суете забыла их снять.

— А мне чего?.. — полюбопытствовала Екатерина Львовна.

— А тебе, бабуль, твоя внучка передала, что они с друзьями поехали на пикничок. Если будут после в достойном виде, то заедут поздравить и сфоткаться, и просили приготовить раскладное кресло для малыша, так как они приглашены кумовьями на вечерние посиделки...

Старушка развела руками:

— Они поздравлять приедут или правнука на ночь спихнуть?

— Бабуль, ну ты как хочешь понимай. Вот, держи подарок, — Танюша вручила онемевшей старушке светильник, похожий на букет цветов неземной красоты.

Вся честная компания побежала в большую комнату, чтобы там включить его.

— Эй, люди, вы куда, я еще не все подарки вручила!

— А ты, Дед Мороз, погоди, мы оцениваем каждую вещь, как бриллиант в каратах, только весовая категория — это ваши души.

— Баб Вер, ну что так строго, мы всей копной выбирали вам подарки, а знаешь, как это сложно, у вас характеры, ну прямо скажем, не полевые цветочки: некоторые с шипами, а некоторые ближе к угарному газу — раза два вдохнешь такой аромат и копыта отбросишь.

— Ну а я кто же у тебя, не перегар ли от паленой водки? — Вероника Марковна хитро прищурилась, вытирая руки о фартук: вот сейчас она его снимет, и белоснежная шелковая блузочка будет в какой раз ей парадной формой.

— Нет, ты у меня — духи французские, «Шанель номер пять», очаровательные, этот парфюм никогда не забудешь, — Танюша обняла бабулю.

Удовлетворенная подарками, компания вернулась на исходное место в коридор к Тане.

— А теперь, Вероника Марковна, торжественно вручается вам жемчужное ожерелье.

Вероника смотрела на подарок, вытирая слезы.

— Я понимаю, что это не настоящий жемчуг, но как красиво, бабоньки! — Она надела украшение и тотчас совершенно изменилась, даже помолодела и тихо, серьезно добавила: — Вы не поверите, а я замуж хочу...

— Танюша хоть и фея, но это твое желание ей не по силам... Такого возраста невеста, как ты, только Кощею Бессмертному подойдет, а он в единственном экземпляре и вечно занят, — сделала вывод баба Катя.

— Да я помирать не спешу, могу подождать.

Старухи рассмеялись.

А Вероника, крутясь возле зеркала, напевала: «Хороша я, хороша, лучше не бывает, черны брови, алы губки, девушка на выданье».

И опять заливистый смех. Танюша от души веселилась со своими бабками и прабабками, все удивляясь, как это старухи смогли подружиться: в других семьях тещи, свекрови, их сестры и братья — как закодированные враги, а шифр кто-то потерял, все становятся навсегда чужими, а эти — исключение из правил, жить друг без друга не могут!

— Так, один подарок остался, это самой младшенькой бабульке, — Танюша загадочно полезла в пакет и достала две фарфоровые фигурки Ивана Царевича и Елены Прекрасной. — Ну как, Любовь Павловна?

— Ох, уж угодила, внученька, моей душе. Поставлю на комод и буду любоваться с утра до вечера. Красота!

— Люба... — не выдержала Вероника Марковна. — А тебе никого этот царевич не напоминает? Нет? А мне напоминает. Присмотрись получше... — она сняла с себя очки и напялила их Павловне на нос.

— Знакомое лицо, но что-то не припомню...

— Позор, Люба. Вспомни, из-за кого ты топилась?

— Не может быть! Он, батюшки... Он, стервец!

— Говорила тебе цыганка: вернется он к тебе. А ты не верила, — Марковна хитро улыбалась, а остальные уже смеялись в голос.

— Ничего, Танюша, пусть смеются... — вздохнула Любовь Павловна. — А тогда не до смеха им всем было! Я их страсть как напугала. Вероника так тужила, думала, что я помру, а я вот дожила до таких серьезных годов. А любила всегда как в последний раз.

— Люба, ты у нас нескончаемая сказка, как «Тысяча и одна ночь»! — прищурилась Вероника.

— Ох, пришибу! — засмеялась Любовь Павловна. — Ладно, хватит изгаляться, щас пойдем выпьем винца и занырнем в глубины памяти наших былых веков!

— Любушка, запутаешься в паутине, — у Вероники Марковны заблестели глаза, она вытерла платочком слезы. — Бабоньки, хватит байки травить, пошли за стол нашу гостью угощать.

Настя обняла Танюшу:

— Пойдем, внуча, мы тебе сейчас спасибо говорить будет.

Танюша, конечно, спешила: ее ждал возле подъезда Дима, но не могла же она им сегодня отказать? Больше всего на свете она боялась обидеть своих бабушек и прабабушек.

Сели за круглый стол, накрытый по всем правилам русской кухни: тут и поросенок, запеченный в духовке, и пироги с печеночкой, и картошечка цельенькая с зеленым луком да укропчиком — да что там, всего и не перечислишь.

— Давайте, мои дорогие и любимые, возьмем в руки бокалы и выпьем за нашу любимую Танечку, за ее подарки! — Вероника Марковна сделала паузу, многозначительно посмотрев на внучку.

— А что вы так на меня смотрите, это мы всей семьей: и мои родители, и дядьки, и тетки, в общем, все ваше потомство для вас расстаралось... — смутилась Таня.

— Ну, знаем мы, положим, все, да и ладно с ними, самое главное — это то, что ты знаешь каждую из нас как саму себя. Значит, помнишь и

любишь. Девчата, давайте сюда наш ответный подарок! — Настасья Алексеевна подала Танюше темно-вишневую коробочку.

Она открыла ее и ахнула — золотое кольцо с большим бриллиантом!

Таня взволнованно закрыла ее.

— Не может быть, я, наверное, ошибаюсь! — Она опять открыла коробочку. — Боже, оно настоящее! Я просто не могу в это поверить!

— Танька, одевай, ты у нас сама как чистый бриллиант, — Вероника Марковна выпила вино. — А что, ведь я правду говорю, помните, как она в десятилетнем возрасте сказала, что не переступит порог дома, пока мать не попросит у меня прощения, это у свекрови-то? Каково, и добилась своего, просила Светка у меня прощения, да. После того я поняла, что надо хвост прижать, а то если эта кроха поймет, что в споре виновата больше я, не миновать мне прилюдного разоблачения. Так что потом я у Светки грехи замаливала, а все из-за Танюшкиного крутого характера.

Марковна, немного захмелев, пыталась аккуратно положить себе в тарелку салат.

— Танечка, одевай колечко, не стесняйся, мы в восемнадцать лет детей имели, а некоторые по второму мужу, — Любовь Павловна погладила по голове внучку. — Давайте выпьем.

Она помогла Марковне положить салат в тарелку, взяла два бокала — свой и ее — и поставила их на середину стола:

— Договаривай, за что же пить будем! — Настасья Алексеевна налила в бокалы вина.

— Девоньки, держитесь, я щас произнесу торжественную речь! — Она встала из-за стола, взъерошила на кофточке кружевное жабо, поправила вылезшие из пучка волос шпильки: — Я и моя мама... короче, мы решили жить вместе!

Вся компания оживилась: что же такое небывалое случилось?

— Ничего особенного... — Екатерина Львовна, чтобы навести порядок, постучала по графину. — У меня возраст такой, уход мне должный требуется, так что нам с Любой вместе будет легче. А эту квартиру мы дарим Танюше (Львовна подмигнула правнучке). Причина на то имеется веская — предстоящая свадьба! Давай, невестушка, зови своего парня, пускай на него старухи полюбуются, а то небось с гражданской войны женихов в глаза не видали.

Таня вышла на балкон и рассмеялась:

— Дима, заходи, общество тебя требует!

Парню ничего не оставалось, как послушаться. Он легко бежал на второй этаж, рассчитывая увидеть дремучих старух.

Его встретили очень даже шустрые бабульки. Усадив рядом с Таней, они не сводили с него своих счастливых взглядов.

Таня что-то быстро шепнула на ухо Диме.

— Ох, извините... — спохватился он и вытащил из-за пазухи довольно-таки большой букет мимоз.

— Вот еще один душегодник! — Вероника Марковна поцеловала парня в щеку и похлопала по плечу. — Не тушуйся, мы тут все свои, перед старой гвардией будешь держать ответ за нашу Таню!

— Ба, ну ты прекрати, замашки у тебя, прямо скажем, революционерки, — Таня посмотрела на смутившегося Димку. — Он еще мне не муж, а вы с него уже стружку снимаете.

— Когда будет мужем, поздно чего предпринимать, а сейчас если не сдрейфит — наш человек! — Марковна положила ему на тарелку куриную

ножку, поймала на вилку миниатюрный соленый огурчик: по всему было видать, что парень ей по нраву.

— Ну вы посмотрите, — рассмеялась Настасья Алексеевна, — а мне своего Колю привезла с Владивостока, когда поздно было и заикаться о каких-то нравоучениях.

— Мама, я на своем горьком опыте собаку съела.

— Ну нет, мои дорогие члены домашнего военсовета, я уж сама как-нибудь разберусь со своим женихом... — Таня собралась выходить из-за стола.

— А ну сядь, — Екатерина Львовна властно заставила Танюшку вернуться. — Вероника Марковна дело говорит. Кто за то, чтобы удовлетворить рвение старейшин?

Все подняли руки.

— Вот, видала, что значит наш голос против твоего? — весело продолжала Марковна. — У меня тоже есть один вопросик. Все о том же, о любви.

Танюша и Дима покраснели, опустив глаза.

— Ба, прекращай смущать.

— Не перебивай, я в смысле о святой любви, которая ведет под венец.

— Дорогие, прекрасные, милые женщины, — Дима встал, взял бокал с вином. — Я очень люблю Танюшу, и наше решение пожениться — это серьезно, а теперь выпьем за ваш праздник и за мой вечный праздник — за Танюшку.

— Лихо! — Марковна подала руку Диме. — Я на твоей стороне, парень!

Танюша с облегчением вздохнула.

Опустошив бокалы, компания налегла на закуски.

— Ну что, ответом обе стороны удовлетворены?

— Вполне! — Марковна махнула рукой. — А теперь хочу цыганочку с выходом!..

Екатерина Львовна поставила пластинку, только танцевать старушки не спешили. Расчувствовались от неожиданно пришедшей к ним в дом молодой любви. Обветренные долгой и нелегкой жизнью, они тем не менее сохранили веру в светлые чувства. А то, что не было рядом с ними зазубшек, так это их беда: умеющие любить по-настоящему живут долго.

ЕДИНОРОГ

Дед Савва доживал свой век, но не сдавался: сторожил молочную ферму и поныне весьма даже уважал женщин, даже годовалых называл сударынями.

Хорошо было бабам с ним, понимал он женскую натуру с полувзгляда. Прожил с женой 60 лет. Так и пошел бы за ней на тот свет, да больно не хотелось расставаться с жизнью, такой красочной и неугомонной.

Все знали, что Савва любит байки рассказывать, и дежурившие по ночам доярки, бывало, не столько следили за стельными коровами, сколько слушали деда, а он соловьем заливался перед розовощекими жизнерадостными девушками.

— Дед, а почему у тебя один глаз постоянно прищуренный?

Савва иногда раскрывал свой глаз в полную силу, но только от удивления. Почему он у него такой — и сам не знал. Но рассказывал о своем недостатке всегда по-разному. Однажды поведал такую историю:

— Да было дело, я тогда хозяйских коров нанимался пасти, еще до женитьбы. Бабенки меня подкармливали, ухаживали. Молодой ведь. Ну, значит, жила такая Марфа, гулена несусветная, полногрудая, белолицая. Хорошая, стерва! Маловат я был, а то бы приласкал. И вечно она просыпала. Знатные, видать, мужики к ней похаживали. А мне частенько приходилось ее коровенку доить. Жалко — животина недоенная мается. А тогда и сам весь день с молочком, и телятам с козлятами пиршество. А сколько раз Буренке в стойле приходилось оставаться из-за своей любвеобильной хозяйки! Коровка черная была, без единого пятнышка, уменькая такая. Если б только понимал я ее мычание: станет возле меня и рассказывает. Ну, обижать, конечно, неохота, послушаю маленько, но не весь же день.

И вот все происходило как обычно. А тут Марфушка проспала, а соседка стучит ей в окно, разбудив всех в округе. И тут — взвизг калитки, выскакивает корова, а за ней Марфа. Смотрю, а бабенки со смеху катаются возле своих дворов. Я было подумал, что у меня с гардеробом что-то не в порядке, оглядел себя — все вроде в норме. Подогнала Марфа свою Буренку, круто развернулась — и назад. Я думал, меня парализует. Смеяться толком не мог, рот перекосило, глаза повело, батюшки, я упал на колени и просто рыдал, содрогаясь всем телом. Эта вареная кукла, соскочив с постели и сняв с себя ночную рубашку, на голое тело надела фартук, а сверху коротенькую телогреечку, и в таком виде выскочила на улицу. Когда она бежала ко мне, вид у нее был нормальный: все прикрыто, а вот когда повернулась ко мне спиной... Всем колхозом неделю смеялись над этим светопреставлением, а то и более того, точно сейчас не помню.

После такой байки доярки повалились на кровати, хохочут, а дед ухмыляется себе в усы: «Угодил!» Он уже так стар был, что даже смотреть со стороны на жизнь ему было в радость: каждую минуту зорко замечал и любовался ею. Бывало, сядет на скамеечку и с любопытством разглядывает прохожих, слушает разговор, как музыку... Все удивлялись: в такие-то годы старик все осознает ясно. У него в саду каждое дерево свое имя имело, а потомство этих деревьев — уже и отчество: все как у людей.

Рассказывают пожилые люди, что хорошим наездником был Савва, любил ветер, не боялся ничего и никого, разве только Бога. Война для него стала сильной душевной болью, но не страхом. Эти девушки и представить не могут его скачущим на лошади с удалой выправкой донского казака.

А сколько девчат в его сети попадалось... Возле него и сейчас молодые бабенки смущаются.

Но он никогда не хвалился своими похождениями, как иные пожилые люди. Он любил время, в котором живет, о родителях рассказывал, об их любви и верности друг другу. Люди удивлялись: да разве можно в это поверить? Разве раньше так любили? А он доказывал, что больше любили: в то время любимый человек приравнивался к святому, буквально молились на него, терпели все, дабы не потерять. Счастливых было мало.

...Нахохотавшись, девушки спросили:

— Дед Савва, как же Марфушка в таком срамном виде к людям выходила?

— А что, по телевизору сейчас еще и не такое показывают.

— Такое или не такое, а второй глаз у тебя не скукожился! — донимали доярки.

— Да это что, вот фельдшер заикой от той бабенки остался.

— А что было, расскажи?

Марфа в то время работала поварихой в школе. Сами знаете, там нужно медосмотр проходить, здоровье врачам показывать. Приходит она как-то к фельдшеру Рябошлыку, тот оглядел ее, как полагается. «Одевай-тесь», — говорит. А председателем был у нас тогда человек с барскими замашками и, входя к кому-нибудь в кабинет, никогда не стучал. В общем, миновав пациентов, сидящих в очереди к фельдшеру, заходит не спросясь, а Марфа только платье надела. И что в голове у нее сработало — то ли очень рада была, что успела одеться, то ли огорчилась...

— Ой, а я уже оделась, — заявила она.

Председатель сделался красным, а фельдшер сполз со стула под стол — смеялся до икоты и все спрашивал:

— А что было бы, если нет?

В общем, икота его так-таки прошла, а легкое заиканье осталось, но фельдшер не обижался на Марфу: такое тогдашнее веселие, как он сам признался, ему лишь один раз в жизни довелось испытать.

— Дед, — смеялись доярки, — да неужели это правда было?!

— Да чтоб мне до ста лет не дожить!.. Пошли, голубки, на нашу беременну глянем, а то за хиханьками вся ночь прошла. Это что, обыкновенные истории, житейские, а вот чудо сегодня обязательно произойдет, посмотрите на небо.

Они стояли втроем на скотном дворе, всматриваясь в ясное, усыпанное звездами небо.

— Какая красота!

— Вот-вот, и я говорю, иногда нужно подымать голову от земли и восхищаться увиденным в космосе!

Метеориты так и сверкали, оставляя за собой хвосты.

Девушки зашли в коровник. В стойле лежала корова, а рядом с ней примостился теленок с одним рогом во лбу, красной масти, совсем не похожий на белую с черными пятнами мать. Они остолбенели.

— Это вам счастье! Говорят, кто первый увидит рожденного единорога, тому за всю жизнь беды не видеть... — задумчиво произнес Савва.

Бычок глупо смотрел огромными глазами на девушек, обтиравших его.

— Наш ты соколик, красавчик, как тебе белый свет, еще непонятно, да? Ну ничего, мы твои крестные мамки, и в обиду тебя не дадим.

— В детстве я видел рождение лошака-единорога, так и жизнь прошла у меня как у избранника Божьего! — вздохнул Савва. — Жена была умница, молоденькую я ее взял, а самому тогда уже тридцать было. Дети выучились, образованные, правда, старенькие уже. А я все люблюсь созданием Творца — миром, в котором живу, и расставаться с ним неохота. Ну что, девоньки, укройте одеялом и мамашу, и сынка, вроде лето, а прохладой тянет.

— Дедушка, как же люди это воспримут, а вдруг осмеют наше счастье?

— А вы больно-то на людей не глядите, они чего не понимают — боятся, а оттого и ждать от них всего можно. Сохранить это чудо надо, такое красивое существо рождается редко, грех будет на мясо его забить.

— Если чего, мы его выкупим в колхозе.

— Хорошо, я доволен...

Через несколько дней дед Савва в свои сто десять лет помер. Двое сыновей и дочь быть на его похоронах не смогли по причине немощной старости, а приехали только внуки — пожилые, солидные. Обычно стариков проводить в последний путь мало людей приходит, а тут даже из других деревень понаехали, всем хотелось своими глазами посмотреть на что-то неуловимо значимое, важное, что их ныне покидало навсегда. Ведь к старику частенько люди разные приходили, рассказывали свое прошлое, а он им в будущее показывал ту единственную праведную тропинку, по которой потом и шли они с уверенностью. Своей необыкновенной мудростью он помогал людям и был счастлив.

Савва утверждал: помогла ему в жизни волшебная сила единорога. Кто знает, так это или нет, но старик всегда убеждал людей верить в добро. Поможет ли в жизни девушкам родившийся теленок-единорог, никому не ведомо, но ведь дед тогда заставил-таки их поверить в свое неминуемое счастье.